

1

Федор подвел резец к гильзе, закрепленной в шпindelной головке, и нажал на рукоятку подачи суппорта. Острая сталь врезалась в чугун, посыпалась мелкая стружка. Резец постепенно скрывался внутри детали, звон металла сменился гудением. По мере продвижения фартука звук становился глуше, пока наконец не исчез вовсе. Готово. Федор плавно закрутил рукоятку обратно, дабы не оставить внутри гильзы следа от резца. Станок у него новый, не разбитый, но резец при работе отжимает. Он и каретка суппорта пружинят. Совсем чуть-чуть, но достаточно для оставления риски. Когда резец выскользнул наружу, Федор отключил вращение шпинделя, подождал, пока остановится головка, взял ключ и ослабил губки. Надев рукавицу на левую руку, вытащил горячую гильзу. Взял с тумбочки калибр, замерил внутренний диаметр. Тютелька в тютельку. Он положил готовую деталь в ящик к остальным. Все, больше заготовок нету, дневная норма выполнена. Сто гильз, которые пойдут в моторы. Механический завод Мальцева получил выгодный заказ, от которого и Федору обломится. Три копейки за гильзу, ни одной в брак, значит, вычета не будет. Вся трешка его¹.

¹ Для сведения: подоходный налог в описываемое время не платили — его еще не ввели.

Щеткой на деревянной ручке Федор смел с суппорта и станин станка стружку и чугунную пыль. Привести рабочее место в порядок — закон для мастерового. За этим занятием его и застал подошедший мастер.

— Закончил? — спросил сварливо.

— Так точно, Сидор Фомич, — сообщил Федор, не отвлекаясь от уборки.

— Небось, браку нагнал, — проворчал мастер.

— Проверь! — пожал плечами Федор. — Калибры — вон!

Мастер взял калибры с тумбочки и занялся проверкой. Гильзы выбирал не подряд, а произвольно. Для начала проконтролировал внутренний размер, затем занялся внешним. Федор посматривал на него, пряча улыбку. Недоволен мастер, что такую выгодную работу делает не его племянник, а пришлый мастеровой. Ну так кто виноват? У племянника руки не из того места растут, нагнал брака. Когда подсчитали, оказалось, что не ему деньги платить, а он заводу должен. Племянник плюнул и отказался от такого счастья. Работу передали Федору.

— Вроде верно, — буркнул мастер, кладя в ящик последнюю гильзу.

— Ну так закрывай наряд, Фомич!

Федор достал из тумбочки листок и протянул мастеру.

— Я не все проверил, — проворчал Фомич, — вдруг брак найдут?

— Из полочки вычтут, — хмыкнул Федор, — аль не знаешь? Только не найдут, у меня брака не бывает. Закрывай!

Мастер недовольно черкнул на листке карандашом и ушел. Федор сунул листок в карман рабочего пиджака и закончил уборку. Тут как раз и пропел гудок — смена кончилась. Замерли вращавшиеся под потолком цеха огромные валы, через которые по ременной передаче приводились в движение механизмы станков. Федор забежал в умывальную, наскоро ополоснул руки и поспешил к заводууправлению. Нужно сдать наряд, пока народ не набежал и учетчик на месте. Завтра тоже можно, но приятно знать, что трешка твоя.

От заводууправления он направился к механическому цеху, но не своему, а стоявшему слева от проходной. По железной лестнице поднялся на второй этаж. Здесь, над цехом, располагалась казарма для холостых мастеровых. Пять маленьких комнаток по три койки в каждой, плюс стол и табурет — более не помещалось. Бедно, но у других заводчиков куда хуже. Люди спят на нарах вповалку, причем мужчины и женщины вместе. Женщины на заводе Мальцева не работали — нечего им тут делать, но хозяин для мастеровых сделал приличную казарму. На койках толстые матрасы, ватная подушка, даже белье имеется — две простыни и наволочка. Раз в неделю белье меняют. И всего-то за рубль в месяц.

Зайдя в свою комнату, Федор стащил рабочую одежду и повесил ее на гвоздик у входа. У каждого обитателя комнаты он свой. Чистая одежда висит над койками. Сбросил с ног опорки, сделанные из старых сапог. Оставшись в подштанниках и рубахе, сунул ступни в кожаные тапки и прошлепал

к своей койке. Наклонившись, выдвинул сундучок, достал из него мыло и бритву, бросил полотенце на плечо и вышел, не забыв запереть за собой дверь. У соседей по комнате ключи есть, а другим нечего нос совать. Еще сопрут чего. Коридором Федор двинулся к торцу здания. Здесь располагались душевая и клозет. У Мальцева жили по-богатому. Завод строили недавно, потому все продумали. Зачем городить уборные во дворе, а потом звать к ним золотарей? Им платить нужно. А так стоки поступают в городскую канализацию. Никаких хлопот и расходов.

В душевой Федор стащил с себя белье, кинул его на лавку и встал под «гусак» с жестяным рассеивателем. Открыл краны на полную — воды много. На заводе паровая машина — и не одна. Стоя под горячими струями, он довольно ухал. Невысокий, коренастый, с длинными сильными руками, в этот миг он походил на орангутанга, который отчего-то слез с дерева и решил помыться. Впечатление усиливали густая поросль на груди мастерового и короткие, слегка кривоватые ноги, покрытые такой же шерсткой. Обезьяна, да и только.

Накупавшись, Федор закрыл краны. Вытер тело полотенцем, взял мыло с бритвой и подошел к умывальнику у окна. Над ним висел осколок зеркала, закрепленный на стене с помощью треугольных металлических обрезков, вбитых в швы кладки. Федор сделал это сам, подобрав осколок возле лавки стекольщика. Тому не нужен, здесь же пригодился. Из осколка на Федора глянул парень с простоватым лицом. Заросшие щетиной щеки и подбородок,

тонкий хрящеватый нос, глубоко посаженные серые глаза. Коротко остриженные волосы открывали выпуклый лоб, который увеличивали глубокие, убежавшие к темени залысины. Не красавец, но и не урод.

— Ты, Кошкин, чисто обезьяна, — сказал ему командир роты после полугода службы. — Так же ловок и хитер, но соображение имеешь. Грамотен опять-таки. Поедешь в школу унтеров.

Их благородие в тот вечер крепко заложил за воротник, потому был добрым. На другой день команду из нижних чинов отвели на вокзал, где посадили в поезд, следовавший в Подольск. Там располагалась школа...

Растерев мыло по щекам, Федор соскоблил отросшую щетину бритвой. Бороды мастеровым носить нельзя. Наклонишься над станком, попадет в шестерню или под приводной ремень — и сдерет вместе с кожей. Да и в армии привык — там заросшим не походишь. Углядит унтер или офицер и поставит под ружье. Нет уж! Невелик труд — побриться.

Натянув белье и сунув ноги в тапки, Федор отправился обратно. Дверь в комнату оказалась незапертой. Распахнув ее, Федор вошел внутрь и замер при виде неожиданного зрелища. Возле ближней койки, упершись локтями в матрас, стояла баба с задранным на спину подолом. К ее голому заду пристроился один из соседей Федора, громко шлепая животом по ее белым ягодицам. Рядом, со спущенными штанами стоял второй сосед, сжимая в руке набухшую еду.

— Быстрей, Петька! — умолял товарища. — Быстрей! Мочи нет терпеть.

— Погодишь! — отвечал занятый блудом Петька. — Только в смак вошел. Условились ведь, что я первый.

Он крепче ухватил бабу за белевшие бедра и, зарывав, потянул их на себя. Федор плюнул и, обойдя страждущего сожителя¹, подошел к своей койке. Повесил влажное полотенце на спинку, спрятал мыло и бритву в сундучок. Затем не спеша накинул на себя косоворотку, натянул брюки и выходные сапоги, намотав на ступни свежие онучи. Надел пиджак и кепку. Тем временем Петька наконец уступил товарищу объект вожделения и сейчас валялся на свободной койке, лениво наблюдая за пристроившимся к бабе товарищем.

— Значит, так, — сказал Федор, подойдя к нему. — Я в трактир. Чтобы, как вернусь, ее не было, — он указал на бабу. — Понял?

— Будет сделано, — ухмыльнулся Петька. — Сам не хочешь, Федя?

— Тьфу на вас! — сплюнул Федор и вышел.

— Чтой-то он? — спросила баба, повернув голову и не обращая внимания на сопевшего позади мастерового. — Словно не мушчина.

— Унтер хренов, — зло ответил Петька. — Приучился в армии командовать, так и здесь всех строит. Скажешь поперек — приголубит кулаком, а они у него тяжелые. Блядей ужас как не любит.

¹ Сожитель — живущий с кем-то в одной комнате, квартире, доме.

— Никакая я не блядь, — возмутилась гостья. — Я по желтому билету¹.

— Ты еще скажи «порядочная», — хохотнул Петька.

Тем временем его товарищ, простонав, отступил от бабы и стал натягивать штаны. Проститутка подтерлась вставшимся на койке полотенцем, бросила его обратно и, опустив подол, подошла к Петьке.

— Полтину гони! — заявила, протянув руку.

— Полтина много, — ухмыльнулся тот. — По двугривенному² с каждого — и достаточно.

— Условились на полтину, — нахмурилась проститутка. — Городового приведу. Я вам не какая-то подзаборная, билет имею.

— Ладно, — вздохнул Петька и протянул ей серебряную монету.

Проститутка схватила ее и спрятала в складках платья.

— Может, еще по разику? — спросила, растянув губы в улыбке. — В этот раз по двугривенному.

— А не жирно будет? — окрысился Петька. — Это ж почти рубль выйдет. За него мастеровой смену пашет, полных девять часов. А тебе лишь подол задрать.

— Пусть будет по гривеннику, — кивнула проститутка. — Если чарку поднесете.

Она вновь улыбнулась, показав мелкие порченные зубы.

— Это можно, — согласился Петька и повернулся к товарищу. — Васька, тащи бутылку!..

¹ «Желтый билет» — удостоверение личности, выдававшееся проститутке взамен паспорта в царской России.

² Двугривенный — 20 копеек.

В казарму можно было войти с переулка, этим путем Федор и воспользовался. Спустился по лестнице — обыкновенной, не стальной — и толкнул дверь. Выйдя наружу, обогнул цех и двинулся по улице. Миновал заводоуправление, кирпичный забор и выбрел к доходным домам. Сложенные из кирпича, густо припорошенные угольной пылью, они выглядели неказисто, но Федору казались красивыми. Частые высокие окна отражали лучи солнца, оттого дома будто сверкали. Окна в отличие от стен здесь мыли. Стоял теплый майский вечер. Пригревало солнце, воздух пах сгоревшим углем и машинным маслом, но Федор не замечал этих запахов — привык. Зато с удовольствием смотрел на спешащих по своим делам людей и проезжавшие телеги. Распугивая их клаксоном, по бульжной мостовой прокатил автомобиль с открытым верхом. Внутри сидели двое пуганов в пиджаках при галстуках и жилетках, с котелками на головах. «Купцы, со складов Перфильева едут», — определил Федор. Купцы выглядели довольными, наверное, заключили удачную сделку. Москва жила бурной жизнью, и Пресня, где обитал мастеровой, от нее не отставала.

Автомобиль скрылся за углом, оставив после себя бензиновую гарь. Федор перешел улицу и толкнул дверь под вывеской «Трактиръ». Войдя внутрь, встал и осмотрелся.

Посетителей по случаю буднего дня было немного. В дальнем углу за большим столом сидела компания и отмечала какое-то событие. По одежке видно — мастеровые. То ли кто-то выставил угощение по приятному поводу, то ли всех рублем на фабрике отметили. Последнее вряд ли — скупы заводчики. Штраф с мастерового содрать — это пожалуй-ста, а чтоб лишний рубль выдать... В центре помещения оккупировали несколько столов ломовые (по высоким картузам видно) извозчики¹. Они жадно поглощали кашу — ложки так и мелькали. Более никого. Федор прошел к свободному столику и не успел сесть на лавку, как рядом нарисовался половой.

— Добрый вечер, Федор Иванович, — поприветствовал он гостя. — Что изволите заказать?

— Похлебать есть чего? — спросил Федор.

— Щи со щеквиной и ушица из щуки, — сообщил половой. — Все свежее, горячее.

— Щи тащи, — велел Федор. — Для ухи день не постный. Затем каши принесешь. И смотри, чтоб масло не прогорклое.

— Как можно? — деланно обиделся половой. — У нас такого не бывает. Водочки?

— Чарку, — кивнул Федор.

Половой умчался и вернулся с подносом. Поставил перед посетителем исходящую паром глиняную миску со щами, положил ложку, рядом — ломоть хлеба. Последней выставил граненую стеклянную чарку с прозрачной жид-

¹ Ломовые извозчики переправляли грузы. Прочие — пассажиров.

костью. Пожелал приятного аппетита и умчался. Федор медленно поднял чарку, оценил жидкость на свет и опрокинул в рот. Крякнул и занюхал хлебом. Взяв ложку, приступил к щам. Половой не обманул: те оказались вкусными. Мяса тоже не пожалели. Опорожнив посуду, Федор стал искать взглядом полового, но тот подбежал сам, держа в руках миску с исходящей парком кашей.

— Еще водочки? — поинтересовался, ставя угощение перед гостем.

— А давай! — согласился Федор. — Хороша она у вас.

— Плохую не берем-с! — важно сказал половой. — Это не у Губанова.

Федор хмыкнул. Близ завода Мальцева было два трактира, и оба боролись за клиентов, поливая помоями конкурента. Хотя на взгляд Федора разницы между ними не имелось. Он посещал оба. Везде кормили вкусно, водку подавали добрую. Ну а как иначе? Посетители — народ мастеровой, на расправу скорый. Что не так, начистят рожу, да еще миску с горячим на голову наденут. А страшней того худая слава. Раз помоями накормишь, посетителей не жди. Клиентов перехватят вмиг. Конкуренции добавляли бабы, предлагающие холостым мастеровым за копейки столоваться на дому. Некоторые подносили чугунки с варевом к проходным, подгадывая к гудку на обед. Федор сам покупал у них еду — выгодно и удобно. Стоит дешево, нет нужды бежать к трактиру, а столовой на заводе не имеется. Заводить невыгодно: холостых мастеровых мало, а жены-тые берут обеды с собой.

Половой принес водку. Федор осушил чарку, крякнул и набросился на кашу. Распаренная, щедро политая маслом греча таяла во рту. Миска скоро опустела. Отодвинув ее в сторону, Федор достал из кармана пачку папирос «Дукат», вытащил одну и, примяв мундштук с двух сторон, сунул в рот. Подскачивший половой поднес огонька. Кивнув ему, Федор затянулся ароматным дымом. Хорош табак! Папиросы не дешевые — 5 копеек за 10 штук, но он может себе позволить. Не чернорабочий ведь, мастеровой! Более 50 рублей в месяц получает! С одной получки с ног до головы оденется, еще на еду останется, да не на хлеб и воду, а на кашу с маслом и чарку водочки. А ведь сам в люди вышел. Не было у него родни, готовой приютить сироту и помочь ему освоиться в столице. Отца-матери не знал, рос в приюте. Фабричная школа, где учили читать и писать, заодно — профессии. Так и стал токарем. Пришлось походить в учениках, нахвататься подзатыльников и «лещей», номышленый малец быстро постигал науку и через пару лет не уступал в мастерстве учителю. Глаз у Федора — алмаз, «сотку»¹ на лету ловит. За это его ценят и уважают. Только мастер придирается, да и тот больше ворчит. Где он такого токаря найдет? На дороге не валяются.

Благодушное настроение Федора прервал подошедший половой.

— Еще чарку?

¹ Речь о сотой доли дюйма, то есть 0,25 мм. Хотя для высококлассного специалиста поймать на глаз разницу в сотую долю миллиметра не представляет труда. Автор видел это сам.

— Нет, — крутнул головой Федор и достал из кармана кошелек. — Сколько там с меня?

— Тридцать восемь копеек, — сообщил половой.

— Держи! — Федор протянул ему полтину. — Семишник¹ оставь на чай.

— Благодарствую, — половой вернул ему гривенник и забрал грязную посуду.

Федор встал и вышел из трактира. Пересек улицу и направился к заводу. Подойдя, остановился и почесал в затылке — идти в казарму не хотелось. Соседи по комнате наверняка еще бабу мнут. Затеять скандал с ними — настроение портить. Говорил им Федор не иметь дела с проститутками — не послушали. Нет на них фельдфебеля Кандыбы. Тот как-то увязался с будущими унтерами, получившими увольнение в город, и привел их к церкви. На ее ступенях просили подавание несколько нищих.

— Смотрите! — фельдфебель указал на неопрятную старуху, сидевшую с краю.

Та подняла голову и уставилась на окруживших ее солдат. Федора передернуло. На них смотрела уродина. Провалившийся нос, багровые шишки на лбу и щеке, желтые белки глаз.

— Вот что делает любострастная хвороба, — пояснил фельдфебель, ткнув в нищенку пальцем. — Проституткой была, вот и заразилась. С вами тоже будет, если к ним пойдете.

— Их же дохтура смотрят! — подал голос один из будущих унтеров.

¹ Семишник — старое название монеты достоинством 2 копейки.

— Смотрят, — согласился Кандыба. — Только как? На одного дохтура двести баб приходится, а порой и более¹. Где тут углядеть? Правда, Марья?

Нищенка в ответ мерзко засипела и протянула грязную ладонь. Фельдфебель бросил ей семишник и перекрестился. Солдаты — следом.

— Говорить не может, — сказал Кандыба, отводя их в сторону. — Хворь глотку съела. Поняли меня, ребятки?

Все дружно закивали. С той поры Федор обходил проституток стороной, хотя потешить естество хотелось. Даже очень. Только как? Напроситься к какой-нибудь вдове? Она примет, но и денег вытянет немеряно — ей детей кормить нужно. Да и старые они, вдовы. Взять в жены девку? Мастеровые с дочерьми на выданье зазывали Федора к себе, видя в нем завидного зятя. Получает хорошо, деньги не спускает в кабаках, к людям уважительный — что еще нужно? Но жениться Федор не спешил. Кто знает, какая попадется? Добро, если смиренная и работающая, а коли злая и ленивая? Будешь после мучиться. Девки до замужества все ладные да хорошие. А вот после...

Федор вздохнул и решительно двинулся переулком. Под подошвами сапог хрустел шлак — им обильно посыпали проезд между складом и заводом. Днем здесь не протолкнуться от ломовых телег. Одни везут грузы к Перфильеву, прочие — обратно. На склад есть заезд с улицы, но ломовых туда не пускают — только автомобили. Лошади,

¹ Именно так было в реальной истории в царской России. Сокращению венерических заболеваний это не способствовало.

Оглавление

1.....	3
2.....	26
3.....	50
4.....	72
5.....	94
6.....	117
7.....	141
8.....	164
9.....	187
10.....	210
11.....	235
12.....	257
13.....	282
14.....	307
15.....	334
16.....	359
Эпилог	383